

Современное человеческое общество сталкивается со множеством проблем, от решения которых в значительной степени зависит нормальное развитие всего вида Homo sapiens. Одной из таких проблем, создающих реальную угрозу будущему человечества, является рост алкоголизма и наркомании. Борьба с этим всемирным злом требует совместных усилий многих наук, комплексных подходов и методов исследования, синтеза обширного опыта, накопленного не только медициной, но и всей системой наук о человеке.

В связи с этим представляет интерес точка зрения на эту проблему директора НИИ адаптации человека Е.А. Брюна, изложенная в публикуемой ниже статье.

Редакционная коллегия

© 1998 г., ЭО, № 1

Е.А. Брюн

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПРИНЦИПА В АНАЛИЗЕ НАРКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В настоящее время потребление психоактивных веществ, в частности алкоголя и наркотиков, достигло таких масштабов, что можно говорить о пандемии заболеваний, связанных с зависимостью от психоактивных веществ. Причем это процесс общемировой, и в последние 50 лет он имеет тенденцию к неуклонному расширению. Почти тотальное потребление психоактивных веществ, не достигающее клинического уровня, заставляет предположить наличие некоей всеобщей закономерности, присущей человеку. И в обыденной жизни, и в случаях заболевания употребление психоактивных веществ вызывает психические (а точнее, психосоматические) состояния, ради которых, собственно, оно и осуществляется. Следовательно, стремление к этим измененным состояниям сознания является и первопричиной, и конечной целью употребления психоактивных веществ.

Поскольку алкоголизмом и наркоманиями заболевают далеко не все, то неболезненное потребление психоактивных веществ (так называемый наркотизм) при его всеобщем характере является неким самостоятельным феноменом, который имеет свои глубинные причины в самой природе человека, в экологической ситуации, в социокультурной среде, т.е. во всех этих факторах, находящихся в неразрывном единстве.

Когда мы говорим о наркотизации, то подразумеваем, что человек потребляет те или иные химические вещества растительного, животного или искусственного происхождения. Вместе с тем психическое состояние может кардинальным образом меняться и другими способами. Именно поэтому в круг нашего рассмотрения следует ввести не только психоактивные вещества, но и психоактивные действия, например вызывание гипоксии головного мозга (голотропное дыхание по Грофу), гипноз, спорт, секс, ритуалы, искусство, массовые общественные действия, а также, возможно, и «психоактивные мысли» – ассоциации, воспоминания, сновидения, которые самопроизвольно возникают в сознании человека. В еще более широком смысле любое воздействие на психическую сферу в процессе восприятия и интериоризации потока информации модулирует то или иное психическое состояние. Иными словами, человека нельзя рассматривать вне психоактивных воздействий. Отсюда мы можем сделать

почти тривиальный вывод: человек постоянно модулирует свое психическое состояние, в том числе и психоактивными веществами, потому что таковы механизмы его реагирования.

Исходя из сказанного сформулируем один центральный вопрос: почему человек прибегает к психомодулирующим воздействиям? Ответа на поставленный вопрос мы не найдем ни в одной научной дисциплине. В связи с этим нам показалось интересным рассмотреть данную проблему в антропологическом ключе.

Под антропологией мы понимаем интегрированную систему знаний на стыке различных наук о человеке с привлечением и осмыслением фактического материала медицины, психологии, этнологии, культурологии, информатики и других наук и систем знаний. На основе анализа данных наук о человеке предпринят поиск ключевого звена в духе антропологической школы, в некотором смысле психического инварианта, для объяснения разнообразных проявлений человеческой психики и их связи с различными психоактивными воздействиями.

Как известно из истории и географии, все народы в различные исторические периоды во всех географических зонах использовали психоактивные вещества для магических действий, получения нового духовного опыта и в рекреационных целях. Описана только одна небольшая этническая общность – гренландские эскимосы Туле, которая не использует психоактивных веществ, что объясняется отсутствием в месте их расселения какой-либо растительности.

Географическое распределение исторически сложившегося культурного употребления психоактивных веществ представлено в широтном направлении следующим образом. В полярной и приполярной частях Евразийского и Американского континента располагается полоса традиционного употребления коренным населением галлюциногенных грибов. Южнее располагается широкая зона с преимущественным потреблением алкоголя. В Центральной и Южной Азии традиционно использовались мак и конопля. В тропической зоне употреблялись главным образом галлюциногены и стимуляторы. В целом в каждой географической зоне использовался наиболее доступный, распространенный и сильный наркотик.

В историческом и этнографическом аспектах употребление психоактивных веществ тесно связано с хозяйственной деятельностью и характером питания. Так, традиционное потребление алкоголя связано с сельскохозяйственной деятельностью и преимущественно углеводной пищей. Культуральное употребление мака и конопли встречается главным образом у кочевых скотоводческих народов с белковым характером питания. А галлюциногены распространены в основном у примитивных народов (охотников и собирателей).

Такие связи представляются неслучайными. Тесная связь экосистемы, наиболее часто употребляемого психоактивного вещества в той или иной зоне и характера культуры формирует определенный тип цивилизации. Можно поставить во взаимосвязь алкогольную традицию и технологический тип цивилизации, традицию употребления мака и конопли и духовно-медитативные цивилизации Востока, традицию употребления галлюциногенов и примитивные цивилизации (коренные жители Америки не придумали колеса).

В Новое время, примерно с XV в. наблюдается неуклонное разрушение традиционных культур. Психоактивные вещества теряют свою культуральную и религиозную роль, внедряются в незащищенные от них биологически и традициями этносы, что приводит к трагическим последствиям: алкоголизация коренных народностей Сибири и распространение наркотиков среди русского населения (4% россиян являются потребителями наркотиков, среди подростков процент потребителей по разным оценкам, колеблется от 20 до 50).

В настоящее время можно отметить поляризацию отношения различных этносов к наркотикам: с одной стороны, национальное, культуральное и религиозное обособление, сопровождающееся контролируемым на низком уровне потреблением наркотиков (крайний пример – тоталитарные и теократические государства); с другой – дальней-

шее размывание этносов с разрушением традиций и значительным ростом наркотизации и других форм отклоняющегося от социальных норм поведения (мультиэтнические демократические государства). Вторая тенденция в футуристическом аспекте должна усиливаться, что может явиться предпосылкой как к разрушению этносов, так и к формированию новых.

Итак, каковы же результаты нашего исследования? В исследованиях этноботаника Р.Э. Шульца отмечается, что только на Американском континенте коренным населением было освоено от 80 до 100 различных видов растений с психоактивными свойствами, которые использовались в ритуально-религиозной и медицинской практике, а также воспринимались как особая духовная пища богов¹: Археологи находили психоактивные растения в специальных тайниках и захоронениях людей начиная с X–VIII вв. до н.э. Поразительно не только то, что в примитивных традиционных обществах психоактивные растения использовали в медицинской практике (зачастую достаточно адекватно), но и то, что эти вещества оказывают такое же действие, как и естественные нейромедиаторы головного мозга. Отсюда Р.Э. Шульц делает вывод, что биологическое единство царства растений и царства животных обрекает человека на вольную или невольную наркотизацию. В этом контексте важен и тот факт, что у животных в свободной среде обитания также довольно часто наблюдается потребление психоактивных растений.

В цикле исследований по этнографии наркотических растений, проведенном антропологом Вестоном ла Барре, употребление психоактивных веществ связывается с практикой и традицией экстазного шаманизма. Относя мистицизм и религию к аспектам развития человечества, уходящим в глубину примитивных начал самосознания, ла Барре считает, что человек «культурно запрограммирован» на психоделические эффекты, достигаемые шаманистским ритуалом и приемом священных растений². При этом последние отождествляются с богом, а шаман выступает в роли посредника между богом и людьми, почти постоянно находясь в состоянии измененного сознания. В этнографической литературе существует достаточно много документальных подтверждений того, что шаманы страдали наркоманической зависимостью от «сока» священных растений. Мистически это объясняется тем, что боги требуют, жаждут духовной пищи, каковую получают через шамана. С.А. Токарев, описывая сибирский шаманизм, отмечал, что практикующим шаманом мог стать только человек с особым предрасположением к облегченному формированию альтернативных психических состояний³. Кстати, в этом плане к шаманам близки гумилевские пассионарии и многие харизматические личности.

В одной из самых капитальных монографий по культурологии галлюциногенов Петера Ферста, выдержавшей за 10 лет четыре издания, приводятся многочисленные данные о том, что психоактивные вещества и действия использовались во все времена всеми народами. По исторической реконструкции наркотизация осуществлялась человеком, возможно, и ранее 40–50 тыс. лет до н.э. П. Ферст предполагает, что единой культурной традицией для Евразии и Америки является употребление священного гриба мухомора, с которым отождествляются ведическая «Сома», финская «Сампо» и многие другие легендарные мистические объекты⁴.

Представления Р.Э. Шульца о биохимическом взаимопроникновении растений и животных, В. ла Барре и П. Ферста о культурной предопределенности употребления психоактивных растений позволили американскому психиатру Э. Вейлу утверждать, что «желание переделывать сознание является врожденным нормальным побуждением, аналогичным голоду или сексуальным побуждениям, в то время как наркотики являются только одним из средств удовлетворения этого побуждения»⁵. Это желание, утверждает Э. Вейл, является как врожденным, так и обусловленным социокультурально, а именно потребностью души во временных периодах неординарного состояния сознания. Сказанное объясняет использование сходных универсальных интоксикантов народами всего мира на всех уровнях культурного развития и, очевидно, во все периоды человеческой истории.

Нам импонирует мысль Э. Вейла, что стремление к временным состояниям измененного сознания внедрено в нейронпсихологическую структуру мозга больше, нежели в социальные нормы. Здесь необходимо подчеркнуть, что поскольку социокультуральные феномены связаны с особенностями мышления и поведения человека, а последние – с нейробиохимической структурой мозга, возникает вполне логичный замкнутый круг: начальная экологическая ситуация формирует структуру головного мозга, на основе которой развивается определенный тип психической деятельности. Этот тип в свою очередь определяет социокультуральную форму и стереотипы поведения популяции, а последняя посредством вторичного изменения экологической ситуации замыкает круг, создавая феномен неосферы в духе В.И. Вернадского⁶ и Т. де Шардена⁷, с последующим вторичным видоизменением человека.

Отгалкиваясь от всечеловеческого характера наркотизации, особенно ярко представленной в традиционных примитивных обществах, важно предпринять поиск того особенного типа мышления (способ психического освоения мира, усвоение потока информации, смыслообразование), который, по нашему предположению, лежит в основе формирования культур различных человеческих популяций. Последние в свете изложенного выше невозможно представить без использования психоактивных веществ и действий.

Значительные различия в способах мышления представителей технологических цивилизаций и примитивных обществ стали предметом многочисленных философских, социологических, этнографических, антропологических и, наконец, психологических исследований примерно с середины XIX в. Однако до настоящего времени единой обобщающей концепции мышления создано не было, хотя область поиска очерчивалась вопросом: мыслит ли человек логически или каким-либо другим способом? И если человеку цивилизованному приписывался логический рациональный тип мышления, то в отношении дикаря предполагалась некоторая его противоположность.

Так, Л. Леви-Брюль говорил о «дологическом мышлении», основанном на коллективных представлениях⁸. Дж. Фрезер описал «магическое мышление», связанное с представлениями о всеобщей связи (симпатии) явлений природы и человека⁹. К. Леви-Стросс обозначал мышление первобытных людей как «мифологическое», основанное на специфической трактовке бинарных оппозиций¹⁰. Попытки выделить два типа мышления мы находим и у М.М. Бахтина: профанное и сакральное (карнавальное) сознание¹¹. В литературе встречаются такие понятия, как «образное и логическое мышление», «левополушарное и правополушарное мышление», «сознательное и бессознательное». У.К. Юнга находим такую дихотомию: с одной стороны, направленное мышление, с другой – грезы, фантазирование, интроверсия¹². Е. Блейлер выделяет мышление логическое, или реалистическое, и аутистическое¹³.

Попытки объединить архаическое мышление первобытного человека и мышление человека современного, описать историческую и онтогенетическую эволюцию сознания по аналогии с биогенетическим законом Э. Геккеля была предпринята в психоаналитической литературе (прежде всего З. Фрейдом, К. Юнгом, С. Грофом¹⁴) на основе взаимоотношений «сознательное – бессознательное» и психодинамики смыслов.

Э. Тайлор¹⁵ и Е. Блейлер¹⁶ предполагали, что логическое, рациональное мышление изначально присуще человеку. Однако большинство исследователей склонялось к мысли, что оно не первично, а является высшим проявлением развития сознания.

В.В. Налимов предлагает многоуровневую философско-естественнонаучную схему человеческого сознания и мышления: «Первый, высший уровень – это слой нашего сознания, где смыслы подвергаются раскрытию через обычную – аристотелеву логику. Это уровень логического мышления. Второй уровень – это уровень предмышления, где вырабатываются те исходные постулаты, на которых базируется собственно логическое мышление. Третий уровень – это подвалы сознания, там происходит чувственное созерцание образов. Там осуществляется встреча с архетипами коллективного бессознательного, если пользоваться терминологией К. Юнга. А дальше –

...нижний слой – само физическое тело. Мы имеем в виду общесоматическое состояние человека. Эмоций, столь сильно влияющие на состояние сознания человека, возникают, вероятно, в теле, а не непосредственно в мозгу»¹⁷. «...Измененные состояния сознания, – заключает В.В. Налимов, – возникают при отключении верхнего, логического, структурированного уровня. Отключение осуществляется направленным воздействием на тело – релаксацией, сенсорной депривацией, регулированием дыхания. Управляющему воздействию подвергается все, что может изменить собственное время. В этой системе представлений тело, если хотите, становится одним из уровней сознания»¹⁸.

В связи с последним интересно письмо А. Эйнштейна к Ж. Адамару, в котором он описывает свой процесс творчества: «Слова, написанные или произнесенные, не играют, видимо, ни малейшей роли в механизме моего мышления. Психическими элементами мышления являются некоторые, более или менее ясные, знаки и образы, которые могут быть по желанию воспроизведены и скомбинированы»¹⁹. А. Эйнштейн отмечает, что эти образы воспринимаются визуально или в двигательных ощущениях. Здесь можно добавить, что в описаниях художественного или научного творчества ведущая роль нередко отводится особым психическим состояниям, которые невозможно вербализовать.

Итак, можно с достаточно большой степенью уверенности предполагать, что психическая сфера человека как в историческом, так и в онтогенетическом аспекте эволюционирует в связи со сложным комплексом: совокупный окружающий мир – информационный поток – измененное психическое состояние (или психическая реакция) – энграмма – формирование первичных связей и смыслов – построение логических структур.

Рассмотрим связь: совокупный окружающий мир – измененное психическое состояние. По логике примитивного мышления возникает следующая симметричная формула: если наличная ситуация изменила мое состояние, то и я, изменив тем или иным способом свое состояние, могу изменить наличную ситуацию. Всеобщая симпатия – обращаемая связь явлений, где причина и следствие взаимодействуют по формуле: «post hoc – propter hoc», – так может быть представлено первичное взаимоотношение объекта и субъекта. По этому принципу действуют и первобытный человек, и ребенок.

Американским психологом М. Хоффманом описан так называемый симпатический дистресс как элементарная параллельная аффективная реакция у детей, или примитивная идентификация²⁰. У Дж. Фрезера в «Золотой ветви» находим: «Одним из великих достоинств магии является то, что она делает возможным проведение курса лечения не на больном, а на самом враче; видя, как последний корчится перед ним от боли, больной освобождается от всех признаков болезни»²¹. С.А. Токарев в книге «Ранние формы религии» пишет: «Всего труднее отграничить магию от рациональных действий, направленных на достижение какой-либо цели естественными средствами. Хотя принципиальная разница между тем и другим ясна, но на практике одно зачастую переплетается с другим: рациональные приемы смешиваются с колдовскими до такой степени, что положительно невозможно их разграничить. Особенно ясно это в области врачевания... даже и опытный врач не всегда сумеет разграничить рациональное и магическое среди приемов врачевания»²².

Вернемся к фигуре «наличная ситуация – измененное психическое состояние». Что должен был сделать первобытный человек, чтобы изменить наличную ситуацию (добыть пищу, построить жилище и т.д.)? Казалось бы, вопрос простой. Необходимо совершить предметную деятельность и целенаправленно изменить ситуацию. Но сделать это, оказывается, невозможно. Прежде чем совершить предметную деятельность, нужно совершить деятельность ментальную. Фигура симметрична, и дикарь прибегает к гомеопатической или контагиозной магии, а этот процесс заключается в том, что субъект посредством психомодулирующих действий, куда входят ритуалы, музыка, пляски, разыгрывание сцен предполагаемой деятельности, а также посред-

ством приема психоактивных веществ изменяет свое психическое состояние. И только после этой подготовки своего сознания, когда внутри его психического мира цель достигнута (наличная ситуация изменена), первобытный человек приступает к предметной деятельности. Нет ни одного обряда, который не включал бы в обязательном порядке магические действия с применением психоактивных веществ или действий до и после предметной деятельности.

То же самое мы наблюдаем у детей. Детям свойственно игровое общение с окружающим миром, через моделирование своего особого мира, через сказку, через измененное психическое состояние, которое дает возможность магического воздействия на окружающий ребенка мир. Ребенок в игре – маг и колдун в чистом виде, так как ментальный образ непосредственно «здесь и сейчас» превращается в реальность. Всем известно, как трудно обратить ребенка к простой предметной деятельности: заставить его просто одеться, умыться, поесть. Но как только создается сказочное оформление деятельности, как только ребенок становится участником некоего магического действия («ложка за маму», «ложка за папу»), как только активно изменилось его психическое состояние, предметная деятельность осуществляется им быстро и успешно.

Не то же ли самое происходит у творческой личности, которая, находясь в особом состоянии сознания, создает новый мир? Не то же ли самое мы видим на коллективном психотерапевтическом сеансе или на политическом митинге? Во всех этих случаях предметной деятельности предшествует деятельность ментальная, магическая, происходящая в состоянии измененного сознания.

Приведенные выше факты говорят об особой роли внешне или внутренне модулированных психических состояний в развитии психики человека, в непрерывном процессе смыслообразования. Если отвлечься от всего животного в человеке, то последний представляется именно как существо, продуцирующее смыслы и связанные с ними знаки (основной дар Бога Адаму). Можно сделать вывод, что человек осваивает, интериоризирует окружающий мир не автоматически, а через последовательный ряд измененных психических состояний (психических реакций), которые возникают в ситуациях первичного восприятия (аналог импринтинга), ранее не встречавшегося. И только при повторных однотипных восприятиях складываются логические, во многом культурально обусловленные причинно-следственные связи, которые могут быть или мифологизированными, или реалистичными.

Таким образом, особые состояния сознания (ОСС) постоянно прослеживающиеся как в истории человечества, так и в истории индивидуальной личности, мы и относим к ключевому звену, психическому инварианту, определяющему взаимоотношения человека и окружающего мира. С одной стороны, ОСС – необходимое условие восприятия и усвоения информации, смыслообразования и развития личности, с другой – ОСС при определенных неблагоприятных факторах предопределяют ряд психопатологических состояний, в том числе формирование зависимости от психоактивных веществ.

Какова же структура ОСС? Единичное ОСС, как и любая другая психическая реакция (ПР), состоит из трех компонент: телесной, аффективной и идеаторной, представленных в разных ПР в различных и характерных сочетаниях. В норме спектр ПР достаточно широк, каждому восприятию в период индивидуальной секунды (ИС) (колеблется от 0,5 до 1,5 астрономических секунд) соответствует совершенно определенная композиция составляющих ПР, что делает каждое восприятие уникальным и нестираемым. Телесная компонента феноменологически представлена в переживании человека как тонус мышц, телесное ощущение, двигательная реакция. Аффективная – как изменение настроения, эмоции, чувства. Идеаторная составляющая представлена в виде оживления или изменения ассоциативного процесса, с появлением новых мыслей, ассоциаций, воспоминаний или, наоборот, их остановкой.

В случаях внешне или внутренне модулированных ОСС компоненты триады приобретают качественно иные характеристики. Необходимо отметить, что составляющие ПР представлены в сознании человека одновременно, что ОСС – интегральное

состояние сознания, в связи с чем многие его феномены перекрывают друг друга. Идеаторная составляющая ОСС характеризуется переживанием потока мыслей и согласованных ассоциаций прямой неопосредованной связи между явлением и его осмыслением (последнее, таким образом, носит аксиоматический характер), оживлением и актуальным переживанием значительного объема прошлых переживаний и личного опыта. Такой по форме идеаторный процесс мы называем «симпатическим (или магическим) мышлением». Симпатическое мышление сопровождается особым аффектом, суть которого заключается в том, что одновременно и параллельно сосуществуют два аффекта, один из которых колеблется в области положительного полюса, а другой – в области отрицательного. Феноменологически этот аффект описывается как восторг, умиление, экстаз и т.д. Подобный аффективный комплекс мы обозначаем как «бинарный аффект». Телесное чувство в ОСС представлено в виде необычных телесных ощущений, обозначаемых как «сенсации», или «сенестопатии». В целом ОСС сопровождается осознанием (смыслообразованием) единства, слитности, гармонии, цельности макро- и микрокосма.

Здесь уместна еще одна ссылка. В книге «Психология искусства» Л.С. Выготский, характеризуя восприятие человеком искусства, писал: «...От басни и до трагедии закон эстетической реакции один: она включает в себе аффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение. Вот этот процесс мы и хотели бы определить словом катарсис»²³. Л.С. Выготский рассматривал катарсис как особое душевное состояние с одновременным развитием противоположных аффектов и особым пониманием смысла художественного произведения. Такое рассмотрение наиболее близко нашим представлениям о симпатическом мышлении и бинарном аффекте, которые наблюдаются у человека в различных жизненных ситуациях.

Рассматривая человека *ab ovo*, мы видим, что с первых минут жизни ребенок начинает сталкиваться с приятным и неприятным и различать их. Всю последующую жизнь человек проявляет тропизм к явлениям (людям, вещам, ситуациям), которые создают у него положительные, одобряемые им самим психические и психосоматические состояния. Очевидно, что это один из первичных и глубинных жестко организованных поведенческих механизмов, описанных еще З. Фрейдом как первичное и основное влечение. В детстве, когда восприятие окружающего мира не дифференцировано, а ПР интегральны, ребенок познает окружающий мир через свои психосоматические реакции на ситуацию и посредством их. Например, голод или другая потребность формируют у ребенка особое психосоматическое состояние, и связь «потребность – психосоматический статус» закрепляется прямо и непосредственно по типу импринтинга.

Здесь усматривается аналогия описанному этологом К. Лоренцом феномену импринтинга у животных, когда первые после рождения восприятия, первые энграммы жестким образом фиксируют поведенческие реакции, структурируют высшую нервную деятельность. Можно полагать, что так же закрепляются и связи «удовлетворенные потребности – вызванные этим психосоматические состояния». С течением времени ребенок овладевает произвольным психомодулированием: регулируя и демонстрируя свое психическое состояние, он стремится изменить ситуацию в собственную пользу. Особенно ярко это наблюдается у детей 2–7 лет в отношениях с матерью. Возможно, именно этот механизм лежит в основе мифологически осмысленного и описанного З. Фрейдом «Эдипова комплекса».

В последующем развитии человека повторяющиеся события, обучение приемам мышления, предметная деятельность приводят к логическому освоению мира, когда в его сознании устанавливается присущая данной культуре картина мира с ее реалистическими и мифическими структурами. Но все же это происходит далеко не всегда. В современных примитивных культурах люди, как и в доисторические вре-

мена, не освоив логического мышления, живут в мире магии и мифов (как, впрочем, и многие наши несчастные соотечественники живут в сказочных мирах экстрасенсорики, пришельцев, полтергейста и т.д.).

Поскольку человек тяготеет к положительно окрашенным, субъективно одобряемым психосоматическим состояниям, он стремится активно изменять себя в соответствии с этим. Данное положение можно подтвердить многочисленными примерами из обыденной жизни. Это младенец, изводящий свою мать ритмичным стуком крышки о кастрюлю или заставляющий отца подбрасывать его к потолку; девочка, создающая под одеялом сказочную вселенную или упорно приобщающаяся к материнской косметике; группа детей, в темноте заворуженно слушающая страшные рассказы; подростки, часами танцующие под нелепую музыку или катающиеся на мотоциклах на грани риска. В этот ряд можно поставить даже случаи жестокости, которые нередко допускают дети и подростки в отношении животных, взрослых или друг друга.

Таковыми и многими другими способами дети и подростки вольно или невольно изменяют свое психическое состояние, оценивают свои психосоматические состояния, одобряют или неодобряют их, формируя таким образом свое отношение к производимым действиям, более того, формируя свою нравственность, определяя вектор развития собственной судьбы. В этом процессе освоения мира через модулирование своих психических состояний дети и подростки не только исследуют собственную психику в разных ситуациях, но и тренируют ее, особенно когда эти состояния навязаны извне (наказания взрослых, исполнение долга, конфликты и т.д.). Можно предположить, что и воспитательный процесс строится с учетом целенаправленного изменения у детей психосоматического состояния. Говоря «это можно», мы формируем у ребенка положительные, одобряемые и м с а м и м состояния. Говоря «это нельзя», мы формируем состояния противоположные. Во всяком случае А.С. Макаренко этим пользовался.

Несомненно, в реальной жизни все не так просто и не так однозначно. Признавая в каждом человеке наличие симпатического мышления, связанного с ОСС, нельзя не отметить, что здоровый взрослый человек, выросший в культурной среде технологического информационного общества, практически не прибегает к симпатическому мышлению, а его поведение и деятельность полностью реалистичны, логичны и прогнозируемы. В случаях же патологических состояний, психотравмирующих, экстремальных ситуаций, например в ситуации разрушения, явной нестабильности общества, логическое мышление и опосредованное им поведение, включая предметную деятельность, разрушаются, а симпатическое мышление актуализируется. Тут следует оговориться: в примитивных, жестко организованных обществах мышление, хотя и является глубоко магическим и мифологизированным, не оторвано от предметной деятельности, так же, как в некоторых художественных типах современности, и поэтому оно не может считаться патологией. Патологией симпатическое (магическое) мышление становится только тогда, когда оно начинает работать аутохтонно (самопроизвольно), в отрыве от деятельностного освоения объектного мира и приводит к состоянию дезадаптации.

Таким образом, описанное выше ОСС с его неотъемлемыми составляющими: симпатическим мышлением и бинарным аффектом в историческом, этнологическом и культурологическом плане – мы рассматриваем у представителей традиционных обществ; в онтогенетическом плане – у детей и подростков в процессе индивидуального психического развития и первичного научения, у творческих личностей, в пограничной с нормой области при экстремальных состояниях, в ситуациях политического, экономического, рекламного, психотерапевтического и т.д. манипулирования личностями и группами населения, а также при психической патологии в механизмах бредообразования и формирования патологического влечения и зависимости.

Как все понимают, основная задача медицины – предупреждение заболеваний, в нашем случае снижение потребления алкоголя и наркотических веществ в популяции. Как уже говорилось, возможности медицины в решении этого вопроса весьма огра-

ничен. Эффективность существующих государственных лечебных программ для наркоманов в России не превышает 1–3%, лучшие программы мира дают эффективность не выше 20%. В наших клиниках при использовании на практике изложенных выше теоретических положений эффективность приближается к 30%.

Решению проблем наркологии мог бы помочь антропологический и – в более широком смысле – культурологический подход с конвергенцией имеющегося в науке теоретического и фактического материала. Как фундаментальный интерес, так и практическое применение, на наш взгляд, имеют следующие направления исследований.

1. Поскольку потребление наркотиков является глобальным процессом, а стройной теории по проблеме «Человек и наркотики» не существует, можно предложить сформулировать основные положения будущей теории в целом системном виде для правильной организации научных исследований. Возможно, на этом предварительном этапе имеет смысл собрать разрозненные исследования и издать их отдельной книгой. Полезно было бы создать географический, исторический и этнический Атлас мира наркотиков.

2. Одним из направлений может стать этногеографическое исследование региональных и культуральных особенностей психомодулирующих воздействий, что позволит понять пути и способы смыслообразования, которое можно рассматривать как первичный элемент культуры.

3. Представляется важным изучить влияние «культурного поля» на характер и особенности индивидуальной психологии, изучить феномен «культуральной защиты» от чуждых психоактивных веществ и манипуляционных техник (секты, реклама, мошенничество – политическое, экономическое, бытовое – и т.д.).

4. Очень важными для медицины являются сбор, анализ и быть может использование традиционных медицинских и прежде всего психотерапевтических техник народов России, так как аналогичные техники, привносимые в Россию с Запада или Востока, оказываются или неэффективными, или вредными.

5. Особое место должны занять исследования в области медицинской антропологии, этнопсихологии и этнопсихиатрии, этнической этологии в широком социокультурном аспекте.

6. Поскольку в настоящее время вопросами потребления наркотиков и других психоактивных веществ по долгу службы занимаются Министерство внутренних дел и Министерство здравоохранения, а результаты этой деятельности не удовлетворяют общество, то, конечно же, очень важны серьезные рекомендации для органов государственного управления по регулированию взаимоотношений «общество – наркотики».

Примечания

¹ Schultes R.E. Hallucinogens of plant origin // Science. 1969. V. 163. № 3864. P. 245–254.

² La Barre W. Peyot Cult. L., 1938; *idem*. Review of R.G. Wasson's soma: divine mushroom of Immortality // American Anthropologist. 1970. V. 72. № 5. P. 368–373.

³ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.

⁴ Furst P. Hallucinogens and Culture. Los Angeles, 1985.

⁵ Weil A.T. The Natural Mind. Harmandsworth; Middlesex, 1975.

⁶ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

⁷ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.

⁸ Леви-Брюль Л. Первобытное мышление Л., 1930.

⁹ Фрезер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М., 1980.

¹⁰ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1985.

¹¹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

¹² Jung C.G. Uber die zwei Arten der Denkens // Jahrbuch fur Psychoanalytische und Psychopathologische Forschungen. 1911. № 3. S. 120–227.

¹³ Bleiler E. Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien Aschaffenburgs: Handbuch der Psychiatrie. Wien 1911.

¹⁴ Grof S. Beyond the Brain: Birth, Death and Transcendence in Psychotherapy. Albany, 1985.

- ¹⁵ *Тайлор Э.* Первобытная культура. М., 1989.
- ¹⁶ *Блейлер Е.* Аутистическое мышление. Одесса, 1927.
- ¹⁷ *Налимов В.В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М., 1989.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
- ²⁰ *Hoffman M.I.* Toward a theory of empathic arousal and development // *The Development of Affect.* N.Y.: L., 1978.
- ²¹ *Фрезер Дж.* Указ. раб. С. 26.
- ²² *Токарев С.А.* Указ. раб. С. 419.
- ²³ *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1987. С. 204.

E.A. Brun. Anthropological Principle in Analysis of Narcological Problems

The article points out that the using of psychoactive matters such as alcohol and drugs increases to enormous proportions. According to the author's opinion it's possible to speak about the pandemic the disease connected with the dependence on psychoactive matters.

The author makes an attempt to consider the question of psychoactive matters influence on men from the anthropological point of view. The author thinks that anthropological and in the broader sense culturological approach with the convergence of theoretical and factual material into the science and could help to decide the problems of narcology.